

ПАРАДОКСЫ МАРГИНАЛЬНОСТИ

ВЛАДИМИР
ГЕННАДЬЕВИЧ
БОГОМЯКОВ

ДВА СЛОВА О МАРГИНАЛЬНОСТИ

О ничтожности маргиналов

XX век пестует маргиналов, любит их, балует и лелеет, и это наводит на некоторые размышления. Делез и Гваттари, творцы шизоанализа, воспели «ускользающего индивида», каковой избегает определенностей любого рода, как негативных, так и позитивных, являя собой личностный тип «шизо», не включенный в систему и дистанцированный от нее (то есть Делез и Гваттари воспели человека, который, выражаясь по-блатному, «явно скользит»). Или Маркузе, например, необыкновенных социальных инициатив ждал именно от социальных аутсайдеров, которые вместе с радикальной интеллигенцией и студентами могут пробить брешь в постылой повседневности. Они и есть якобы неодномерные люди.

Похвалы маргиналам произносились в прошедшем веке наряду с критикой государства, «системы», всего, связанного с государственной властью. Ален Гинзберг сочинял стихи о происках государства. Велимир Хлебников советовал матерям как можно дальше уносить своих детей, как только на горизонте замаячит государство. Элиас Канетти в своей книге «Масса и власть» нарисовал злобного монстропанка государственной власти, хватающего человека, поглощающего и переваривающего его. Наряду с государством осмеянию и поруганию подвергались все «формальное» — Церковь, официальная культура, семья — и предлагались «неформальные» варианты церковности, культурности и семейственности.

Маргинальными считаются группы и отдельные личности, чьи установки, ценностные ориентации и модели поведения соотнесены с различными культурными системами и ни в одну из них не интегрированы полностью. Маргинальность (от латинского «край») есть пребывание на окраинах систем. Очень подходит маргинал и для постмодернистского мировосприятия, так как постмодернизм уже всем плешь проел со своей культурной плюральностью, взаимодействием различных эталонных систем, разных социальных миров, в каждом из которых маргинал «сохраняет свою культурную целостность и однозначность». Если человек просто православный христианин, то он вроде бы и не совсем хорош, «формален». А ходи он в храм пореже, не причащайся, склоняйся в ряде пунктов к буддизму или индуизму — и сразу станет заметен и интересен своей неформальной маргинальной духовностью. Если человек просто русский и всю жизнь прожил в Костроме, то вряд ли возьмут его консультантом по России. Вот проживи он лет 20 в Китае, тогда, может быть, и возьмут...

Парадоксы маргинальности

Как же может маргинал сохранять свою целостность и однозначность в разных социальных мирах? Наверное, если он не будет воспринимать эти миры серьезно, а станет относиться к ним как к какой-нибудь необязательной мишуре и неважной фигне. А хорошо ли это? У каждого из нас есть измерение Я и измерение Мы; в данном случае измерение Мы не просматривается — оно атрофировано или его и не было никогда...

Перед любым маргиналом очень остро стоит проблема выбора: кто же он такой? Рано или поздно придется выбирать. За попыткой оставаться неуловимым Джо, которого никто не ловит, и гордым, не прибившимся к берегу челноком часто стоит обычная инфантильность или простая трусость, душевная лень, нежелание брать на себя ответственность. Полноценно вкалывать с утра до вечера, делая не то, что захотелось, не то, к чему сегодня душа лежит, а то, что по работе надо, — это же так тяжело! А вот маргинально работать (как бы работать, а как бы и нет) — это совсем другое дело: один день в неделю посвящу написанию чего-нибудь бессмертного, а в остальные дни буду бухать или по улицам шляться... Женитьба — это же такие чугунные оковы: ответственность! дети! деньги! А вот маргинально жениться (как бы жениться, а как бы и нет) — совсем другое дело: есть с кем спать, есть тот, кто кашу сварит, а надоест — можно перейти с одного края на другой.

Часто за маргинальностью прячутся люди, не способные выбирать, быть кем-то. За маргинальной иронией (а какой маргинал обходится без иронии!) нередко скрывается боязнь самоидентификации. Ну и в конечном итоге подловатая позиция: чуть что — моя хата с краю! За внешним нонконформизмом обычно таится тривиальное холопство: сильные мира сего всерьез не воспримут, а, может быть, позабавятся, отнесутся как к шуту, как к дурачку и кинут кости с барского стола да еще и стаканчик водки нальют...

Чтобы быть маргиналом, особого ума не нужно. «Хоть немного еще постою на кр-р-аю!» Ну, постой, если уж так хочется. Выпей подряд 6 бутылок дешевого портвейна и именно там и очутишься, где хотел: на кр-р-р-аю...

Некоторые люди считают, что быть маргиналом весело. Отнюдь! Непрекращающийся похмельный синдром, внешняя (а главное, внутренняя) грязь, вечное убогое митьковство, окурки Беломора, тупая матюгня по поводу и без повода, их «дык», «елы-палы» и прочие красоты...

Некоторые люди считают, что маргинал — необыкновенно свободная личность. Отнюдь! Ты обязан быть голодным, грязным, вонючим, брюзжать и зло иронизировать над всем сущим. Нельзя быть добрым, нельзя быть в достаточной степени адекватным и вменяемым. Нужно непременно материться, желательно как можно более грязно и лучше при женщинах и детях. Нужно мочиться мимо унитаза, сморкаться в занавески, брать из супа руками фрикадельки, чтобы продемонстрировать свою антибуржуазность. А иначе никак не прослышешь ниспровергателем основ. И это свобода? Что же тогда называют несвободой, коли это свобода?

«Так что же ты, голубчик, — спросит раздраженный читатель, — советуешь нам быть, как все, существовать, не высовываясь, вступить в козье племя и жизнь прожить, как черви слепые живут, чтобы потом про нас сказок не рассказали и песен не спели?»? Вовсе не хочу этого сказать. Достойный человек может оказаться в центре, или с краю, или с боку, или вообще вне... Но достоинство его связано не с пацанской антисистемностью (ибо мы всегда в той или иной системе), не с театральным выпиванием портвейна или стеклоочистителя на обочине, но, наоборот, со сверхсистемностью, со стремлением быть в гуще жизни; делать там, где годами только квасят на кухне; брать на себя ответственность там, где у всех отмазки; стоять в центре, когда все разбрелось по краям. И, разумеется, носить белое жабо, когда все грязные и облеваные лежат на полу в туалете.

Сияющее величие маргиналов

В детстве я так был похож на паука. Я сидел в чулане у тетушки Аделаиды и перебирал какие-то тряпки. Говорить я не мог, но часто видел во сне разные необыкновенные места, например церковь Всех усопших на Лэнгем-плейс. Однажды тетушка сжалилась надо мной и привела в дом двух бродячих экстрасенсов, чтобы те воздействовали на меня биополем; она думала, что от этого я стану лучше пахнуть и приобрету некоторую коммуникабельность. Однако, увидев меня, экстрасенсы в ужасе пятились: не могли же они признаться тетушке, что попросту испугались, поэтому стали бормотать, что их светлая энергия может воздействовать лишь на то, что хоть чуточку предрасположено к свету; во мне же нет ни капли света — одна тьма.

Уже тогда я понимал, что все это — ложь. Нет у них никакой энергии и во мне не только лишь тьма. Нам всем здесь очень-очень тяжело из-за чрезмерной плотности бытия. Из-за этой плотности я и стал таким паукообразным; в теле совсем не чувствуется вода, у кого-то по организму течет чистейшая вода хрустальным прозрачным горным ручейком, а во мне перекачивается какое-то варенье из дягеля с яблоками. Опять же если человека долго не кормить, то он очень скоро умрет. Я же, подобно клещу, могу жить без еды целый год. У нормальных людей организм «переваривает» пищу: крахмал разлагает на сахар, протеин — на аминокислоты; у меня же просто растворяется все, как в серной кислоте, организм и слов-то таких не знает — «протеины», «крахмал». От людей исходит ровное благородное тепло, а от меня — какая-то удушливая подвальная духота. У людей нежно-розовые бронхи и изящные альвеолы; во мне же болтаются какие-то серые нити, якобы для того чтобы дышать; а зачем мне, спрашивается, дышать, если я могу и вовсе не дышать. Цвет кожи у меня меняется, как у хамелеона, потому что организм очень быстро перестраивается то на выработку меланина, то каротина, то гемоглобина. Все нормальные люди состоят из клеток, а во мне нет никаких клеток и не было никогда. И печени у меня нет. И гипофиза.

Это из-за плотности, из-за чрезмерной плотности бытия, которая деформировала мое тело, но не тронула душу. Душа сияет в глубине, как первая клубничка, душе не надо слов, она трепещет себе иным порядком, жмурится в предчувствии чего-то ослепительного. От этого и необыкновенные сны, и чудесные места, многие из которых не зовутся никак... Плотность... она от греха: грех не дает расти вверх и вширь, переливаться свободно через край, не дает всему потечь весенним ручьем, но садит на цепь, приковывает к месту, вписывает в железные рамочки, испепеляет восхитительные возможности, высасывает все силы. У них, у других людей, чрезмерная греховная плотность бытия телу не повредила, но душу покорежила: стала их душа бесцветная, дупляная, пустая, снов уже больше не видит...

Но раз в неделю проходят мимо окон удивительные люди — маргиналы. Они разорвали греховные путы и идут отсюда, из этих плотных мест, как они говорят, «на край», туда — к краю, к Раю. Они уж не погрязнут, как олово, в воде, идут-идут отсюда туда, где менее плотно, где и ветер такой, что вмиг оторвет от земли и умчит в Иное. И край тот есть прекрасная радуга, увиденная Ноем, и край тот есть радость, где уже не очень-то и надобны Солнце и Луна, поскольку лишь моргнешь только — и к глазам уже подкатывает свет всесветлейший. Что смерть, что жизнь — одно лишь дуновение, а свет не кончается и не кончится никогда. И страха уже нет внутри, но только мир и бездна.

Об этом хорошо сказано у маргинального поэта на С.:

Само будь себе дугою
И расстанешься с тугою.
Се тварь вся не насыщает!
Бездна бездну удовлетворяет.

На тот край долетают искры бесконечно далеких костров и звуки иных миров, а вечность — вот она уже, в самом теле; никогда отсюда и не уходила, всегда тут

была. И здесь стыдятся даже произносить слово «погиб», ибо, исчезая видимым образом, все уходит к Господу в круг неведущего и нетленного. Там, на краю, тоже действуют, конечно, мертвые и грубые стихии, но действуют словно бы уже со смущением, исполняя надоевшую роль вульгарной «природы», и в этой примитивной театральности раскрывается теплая и слезная надежда на новый мир без мрачного рва и ада, без хватящей все мохнатой лапы, без этой тяжести и этой плотности. Утром там сквозь слегка прикрытые ресницы проступают словно неожиданный пушистый снег, а то словно бесцветный дождь миры первородные и нерукотворные, а также незримые веревки, что держат преходящую материальную сень, утаенные формы и вечные образы. У нас — материя и форма, плоть и дух, стена и истина, смерть и жизнь. А на краю-то как? Так да уже и не совсем так. Так, что действительно всегда произнесешь легко: «В благовонии мира Твоего течем»... Скажешь и потечешь, и засияешь, как горящий елей из лампад, и заблесташь светом вечности, и встанешь, как Авраамов шатер...

Так бредил я сияющим величием маргиналов, их краем, где возможно все, их свободой, их бездной, их радугой... Думал я свою паучью думу, перебирал тряпки в чулане. Ведь мир-то я слишком хорошо знаю: сам в центре мира сижу и отлично себе представляю, что он такое; в самой его сути ворочаюсь, как в густом киселе. И что? Возможно ли в мире такое, как на краю? Никак невозможно! Мир потому и мир, что не таков совсем. А раз мы в мире, то, значит, для нас края нет нигде. А слово же «нигде» и значит «езде»: и я всегда на краю и не нужно идти никуда, поймешь, что ты на краю, и будешь воистину на краю. А маргиналов жалко, потому что они к границе идут, значит не дойдут до нее никогда, к тому же, как назло, и земля круглая оказалась: будешь идти вперед и приходить в одну и ту же точку, а настоящего края никогда не обнаружится. Если нащупаешь край, то, значит, ты уже за пределами мира. А что его нащупывать, если он с тобой всегда и везде, если все есть край и «некрая» никакого просто нет? Значит все мы, и даже я, человек-паук, все мы маргинальные и магистральные. Значит, решив выйти в белом жабо, когда все лежат на загаженном полу в общественном туалете, среди лежащих на полу я увидел главным образом себя, когда все, кто только мог, вышли радостно в дурацких этих белых жабо.

ВАЛЕРИЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ
МАРОШИ

РЕФЛЕКСИЯ МАРИНАЛА (РОЗАН)

Русский филолог, если он не ушел в политологи, риторы, PR и т. п., представляет собой кристальный типикон маргинала: социальный престиж крайне низок, уровень доходов едва дотягивает до нижнесреднего, истеблишменту не нужен, с обывателем ему скучно, культура и ценности современной России ему глубоко противны. Зато у него есть будущее: вечно прекрасный и вечно новый мир — прошлое русской литературы.

В самом деле, critique и criticism у нас традиционно становятся уделом участников актуальной культуры и литературной политики, а уважающие себя филологи реализуются в мемуарно-автобиографической прозе, пытаясь вписаться в плюсквамперфект эпически отдаленной России, Германии, Америки. С другой стороны, молодежь частенько хочет быть деррористичнее Дерриды и рвется к «зияющим высотам» на костях все того же тысячелетнего мавзолея. Разве что к древнерусской литературе (за исключением Даниила Заточника) эти авангардные примочки применить не удастся. Иногда подобная устремленность в будущее / прошлое из на-